

Встречи

«Почему я пошла в актрисы»

Частые съемки на московских киностудиях, гастроль в Москве, а еще раньше учеба в Московском театральном училище имени Б. В. Шукина тесно связывают актрису Ленинградского академического театра драмы имени Пушкина Людмилу Чурсину с творческой жизнью столицы.

— Людмила Алексеевна, вы едва ли не самая молодая народная артистка СССР среди драматических актрис. Как восприняли вы это событие в своей жизни?

— После Указа возникло чувство, будто получила в долг нечто огромное и едва ли смогу до конца жизни отдать этот долг. С одной стороны, понятная радость, с другой — появилась обеспокоенность, смогу ли достойно ответить — и чем? — на такую высокую оценку.

— Обычно актеров спрашивают о том, как они пришли в драму. Я несколько расширю вопрос: и зачем пошла «в актрисы»? В молодости ведь не всегда можно объяснить свой выбор профессии.

— Любила и продолжаю любить многие профессии — врача, например. Мой приход в драму — случайность. Решила поступать в училище имени Шукина из девчоночьего любопытства. Никогда до этого не думала о профессии актрисы. Лишь со временем пришла настоящая влюбленность в свое дело...

— Теперь о вашем дополнительном вопросе. Сейчас я сама задаю его себе. Ведь наша профессия такова, что каждый день надо ее завоевывать. Пребывать же в ней так, как хочешь, не всегда удается. Бывают долгие, утомительные ожидания настоящей и интересной работы, и — чего уж там — порой трудно, очень трудно поддерживать в себе веру. Завоевывать профессию — это еще и уметь ждать, уметь выстоять в нелегкие для тебя времена. А с другой стороны, когда все хорошо, гладко, когда творчески пресыщен, есть опасность потерять драгоценнейшее в нашей профессии качество — душевную неуспокоенность, волю к преодолению чего-то мешающего тебе как человеку и художнику.

— Скажите, какое место вы отводите актеру в жизни общества?

— Большое, очень большое место. Актер — представитель конкретной философии, в своем творчестве он несет не личный взгляд на проблему, а мировоззрение общества, в котором живет и которому служит. И это очень ответственно.

— Как правило, вы играете женщин неординарных, сильных, бунтарского склада характера.



Скажите, вы и сами в жизни человек сильный, бунтарь по натуре? Насколько близки вы к своим героиням? Или, напротив, как далеки они от вашей человеческой индивидуальности?

— Мне трудно ответить на ваш вопрос, потому что я еще не постигла себя в такой мере... Пока многое из того, что предлагают, не разрушает моей актерской и человеческой индивидуальности. Будь иначе, я бы почувствовала это. Одно могу утверждать наверняка: исполнитель и роль — это взаимосвязано. Актер — роли, роль — актеру.

— Вспоминая ваши роли, как-то не думаешь о женщине как о слабом поле.

— Очень жаль, если сыгранные мной женщины наводят на мысль о силе. Всегда старалась подчеркнуть в своих героинях женственность, незащищенность, ту слабость нашей сестры, которая очаровывает. Другое дело — женщины, которых я играю, часто вынуждены — обстоятельства! — быть сильнее... «слабого пола», но это уже — от заданной в сценарии или пьесе ситуации и от режиссерского видения, решения того или иного характера.

— Женщины, о которых вы рассказали на экране, всегда вызывают живой отклик у зрителей. В этой связи какая из встреч со зрителями наиболее запомнилась вам?

— Мне сложно назвать какую-либо конкретную встречу. Всегда испытываю большую радость от доверия людей. Часто на съемочной площадке — в донской ли станице или в деревне — подходили женщины,

которые снимались в массовых сценах, негромко и доверительно говорили о своей жизни, заботах... И, слушая их рассказы, я словно бы приближалась к ним сердцем. И была им благодарна за то, что они, как близкому человеку, поверяли мне сокровенное. Они очень «болели» за меня, старались помочь во всем, даже в мелочах, переживали, если что-то в сцене не получалось. Не раз они просто и мудро приводили меня к пониманию той или иной сцены, сопроводив свою помощь добрым напутствием. И эти незабываемые встречи с нашими русскими женщинами мне не менее дороги, чем встречи в зрительном зале.

— И, конечно же, приятно, когда зрители говорят: актриса хорошо сыграла роль...

— Совершенно с вами не согласна.

— Поясните, пожалуйста.

— Ну, скажем, вы читаете стихи. И потом вам говорят: «Ты хорошо читал стихи». Это плохо, это не похвала вам. Хорошо, если после вашего чтения скажут: «Какой это все-таки прекрасный поэт!». Хорошо, когда говорят не об актрисе в роли, но о женщине, которую она сыграла. О героине! Волновать должно не мастерство исполнителя, а характер, созданный мастерством! Это и есть высшая похвала актеру.

— Ваш идеал зрителя?

— Мне дорог в зрительном зале — в театре ли, в кино — человек, способный сопереживать, равнодушный, не относящийся к искусству, как к отдыху, развлечениям. Человек, пы-

тающийся объяснить себе что-то с помощью искусства.

— Какое, по-вашему, качество характера актер должен сохранить в себе на всю жизнь?

— Мужество. При той жизни, которая ему уготована, — прежде всего мужество. Когда надо не потерять себя в ряду неудач и ожиданий, особенно ожиданий. Для меня пример такого мужества — Людмила Гурченко. После блистательного дебюта в фильме Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь» — годы и годы ожидания большой и настоящей роли, ожидания, которому, казалось, не было конца. Актриса не сдалась, сохранила в себе Художника. Никто из нас — актеров, зрителей — не знает, чего это ей стоило, какое ей было все эти годы. Она одна знает об этом. Прекрасная актриса, мужественный человек!

— А какое открытие в себе, в своем характере показалось вам неожиданным?

— Нерешительность. Во многом в жизни. Наверное, это большой недостаток. Для меня это всегда мучительно.

— Как вы воспринимаете себя на экране? Любите смотреть на себя?

— Нет, не люблю. Через какое-то время почти все хочется переиграть. Не люблю бывать на премьерах, часто испытываю на них чувство неловкости.

— И последний вопрос, который я часто задаю актерам, — о курьезах в их жизни.

— Однажды на встрече со зрителями ведущий, очень веселый и разбитной молодой человек, назвал меня в самом начале встречи... Хитяевой. Когда он ушел за кулисы, я как-то сразу и легко вступила с залом в «сговор», мы друг друга поняли. Каждый раз, когда ведущий называл меня Хитяевой (а он так и не исправил до конца встречи своей ошибки), зал посмеивался. Молодой человек был абсолютно уверен в том, что смех этот — результат его остроумия. Перед тем как познакомиться с людьми, я сказала ведущему: «Вам большой привет от артистки Чурсиной». «Правда? — спросил он, растерявшись. — А... а... вы с ней знакомы?» «Знаю ее, как себя». «Тогда... и ей от меня большой привет. Передай ей, что я видел все ее картины и буду рад приветствовать артистку Чурсину в этом зале». Зал между тем стонал от хохота, я еле сдерживалась, чтоб не расхохотаться. А бедный парень стоял рядом совершенно растерянный и ничего не понимал. Я представила себе его лицо, когда он узнал позже, что передавал привет... стоящему рядом с ним человеку.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.